

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ТРУДАХ М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО

И. П. ИВАНОВА

В многообразных, широких лингвистических интересах М. И. Стеблин-Каменского выделяются две основные области: грамматика и диахроническая фонология. Свои первые статьи, посвященные грамматической проблематике, М. И. Стеблин-Каменский опубликовал в начале 50-х гг. и в дальнейшем неоднократно возвращался к этой тематике, критически рассматривая новейшие направления в лингвистике.

Все его статьи представляют собою размышления по поводу кардинальных проблем грамматического строя. Общими и частными вопросами грамматики он занимался, естественно, в книгах, описывающих полностью строй определенного языка [Стеблин-Каменский, 1953; 1955; 1977]. Эти книги вошли в золотой фонд советской скандинавистики; статьи написаны в общезыковедческом ключе. В этих статьях, мимо которых не может пройти ни один серьезный лингвист, рассматриваются важнейшие вопросы теории грамматического строя.

Прежде всего, следует остановиться на двух ранних статьях — „Об основных признаках грамматического значения“ и „К вопросу о частях речи“¹.

Первая из этих статей представляется особенно важной потому, что в ней ставится центральная проблема, занимавшая представителей традиционной лингвистики и впоследствии совершенно отодвинутая на задний план — чтобы не сказать выброшенная из лингвистической проблематики — господством структурализма, а в настоящее время — семантического синтаксиса и, возможно, „старомодная“ с точки зрения этих направлений.

Сущность грамматического значения М. И. Стеблин-Каменский рассматривает как форму „по отношению к содержанию нашего мышления“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 13]. Оно „несамостоятельно“, не является предметом нашей мысли и всегда сопутствует лексическому значению слова.

¹ Опубликованные впервые в 1954 г. эти статьи и ряд других, которые М. И. Стеблин-Каменский считал наиболее важными в своей творческой деятельности, были включены в сборник „Спорное в языковедении“ [Стеблин-Каменский, 1974].

„Несамостоятельность“ проявляется в разной степени: так, значение „предметности“ у существительных, а также грамматические значения других знаменательных частей речи образуют определенный ряд, в конце которого (по степени убывания) окажутся грамматические значения, выраженные словом, т.е. служебные части речи. И здесь нет полного равенства, напр., „протранственные значения предлогов менее „несамостоятельны“, чем другие значения предлогов, и т.д.“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 15].

Еще не было разработанной теории полевой структуры языка. Между тем, изложенное выше соотношение грамматических значений частей речи как ряда с различной степенью „несамостоятельности“ представляет собой не что иное, как построение поля грамматических значений частей речи: иначе говоря, М. И. Стеблин-Каменский опередил существовавшую в то время теорию языка.

Слова, несущие только грамматическое значение, не могут быть предметом мысли, самостоятельным элементом высказывания, и именно в этом кроется причина того, что они не могут быть членами предложения, не обладая лексическим значением. К спорному вопросу наличия или отсутствия лексического значения у служебных частей речи, в частности — у предлога, М. И. Стеблин-Каменский возвращается в „Грамматике норвежского языка“ [1957, § 79]. Так, в примере *huset til mannen* — ‘дом этого человека’ предлог *til* означает отношение принадлежности, но „выражение этого отношения есть вместе с тем его грамматическая функция“ [1957, с. 150]. В той же главе „Грамматики норвежского языка“ М. И. Стеблин-Каменский вводит понятие „лжепредлоги“ — эквивалента предлога (напр., причастие) — слова, которые также передают отношение, но не утратили связи с лексическим значением производящей основы, и потому не могут еще быть причисленными к собственно предлогам². Это вполне последовательно вытекает из определения служебных частей речи.

Заглавие статьи, написанной в то же самое время, — „К вопросу о частях речи“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 19] — говорит само за себя. Следуя за Л. В. Щербой, М. И. Стеблин-Каменский признает невозможность научной классификации частей речи, ибо такая классификация должна основываться на каком-то едином признаке, а такой признак не найден³. Обязатель-

² Такие „лжепредлоги“ существуют в различных языках. Ср., напр., русское „мне удалось это благодаря помощи друзей“ и неприемлемое* „я не приехал благодаря болезни“. Вместе с тем, именно путем возникновения „лжепредлогов“ и их постепенной десемантизации группа предлогов оказывается не полностью „закрытой“.

³ О попытке Фриза создать классификацию, основанную на одном — синтаксическом принципе, М. И. Стеблин-Каменский не упоминает. Фриз разбивает на группы не части речи, а разнородные единицы, совершенно не учитывая их морфологические свойства. Именно поэтому его, безусловно интересная, попытка бьет мимо цели.

ным признаком части речи М. И. Стеблин-Каменский считает грамматическое значение (напр., предметность для существительного), остальные же признаки — морфологический и синтаксический — могут быть выражены в различной степени в разных языках [Стеблин-Каменский, с. 24]. Однако те или иные внешние показатели грамматического значения обязательны, — именно через них мы узнаем о грамматической природе слова. Это перекликается с известным высказыванием Л. В. Щербы о том, что „едва ли мы потому считаем „стол“, „медведь“ за существительные, что они склоняются; скорее мы потому их склоняем, что они существительные“ [1957, с. 64, сноска].

Характерной чертой подхода М. И. Стеблин-Каменского к анализу лингвистических вопросов является то, что, анализируя языковые факты всесторонне, в постоянной связи языка с мышлением, он никогда не выходит из границ собственно языкознания. В частности, в рассматриваемой статье он критикует Брёндаля за игнорирование грамматического значения и способов его выражения. „У Брёндаля значение существительного — это логическое понятие, т. е. нечто лишенное языковой специфики“ (рядка моя. — *И. И.*) [Стеблин-Каменский, 1974, с. 25]. Разумеется, это положение может быть воспринято как опасная ересь представителями современного „семантического“, а по существу логического, синтаксиса, для которых язык — цепь логических построений, да и терминология внесена в лингвистику логическая.

Не отрицая в принципе обычных трех признаков частей речи, М. И. Стеблин-Каменский останавливается на неравномерности их распределения. Так, числительные, обладающие совершенно теми же морфологическими и синтаксическими свойствами, что и прилагательные и местоимения, выделены в особую часть речи исключительно на основании объединяющего значения числа — значения лексического.

Анализируя основания выделения местоимений как особой части речи, М. И. Стеблин-Каменский справедливо считает, что по одним свойствам они сходны с знаменательными частями речи (синтаксические функции), по другим — со служебными частями речи (несамостоятельность лексического значения). Поэтому можно было бы выделить три группы частей речи: местоименные, знаменательные и служебные. М. И. Стеблин-Каменский не настаивает на такой группировке, но по существу он прав: в полевом расположении частей речи местоименные слова должны оказаться между словами знаменательными и служебными [ср.: Зернов, Попова, 1980].

В статье „О предикативности“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 34—48] М. И. Стеблин-Каменский подробно обсуждает проблему соотношения языковых и логических понятий, настаивая на необходимости их различения:

предикативность относится к суждению, т. е. единице логики; сказуемость — к предложению — единице языка. М. И. Стеблин-Каменский указывает на асимметрию суждения и предложения: любое суждение может быть выражено только через предложение, но не всякое предложение представляет собою суждение, даже если исключить очевидные типы вопросительных и побудительных предложений: так, „Пожар!“, произнесенное с определенной интонацией, — не суждение, но несомненно предложение.

В совершенно ином плане звучит статья „Несколько замечаний о структурализме“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 48–57]. В характерной для него ироничной манере М. И. Стеблин-Каменский пишет, что суть структурализма совсем не в том, что „кто-то отрывает что-то от чего-то“, намекая на то, что сначала структурализм был принят в штывы отечественными ортодоксами. Структурализм, истоки которого восходят к Ф. де Соссюру, не представляет собой какой-то единой школы, — структурализм Пражского кружка, Л. Ельмслева и его последователей и, наконец, американский дескриптивизм совершенно не схожи между собой. Вместе с тем, их объединяют определенные принципы — общая отправная точка. Это — рассмотрение языка как системы, разграничение синхронии и диахронии и, самое главное, то, что „предметом исследования должен быть именно язык, а не что-либо другое“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 49]. Из всех различных направлений структурализма наибольший интерес и пристальное внимание вызвали у М. И. Стеблин-Каменского блестящие достижения Пражского кружка в области фонологии. Эта сторона его деятельности, однако, не входит в тематику данной статьи. Касаясь трудов Л. Ельмслева и его школы, М. И. Стеблин-Каменский отмечает как отрицательный момент умозрительность, отсутствие непосредственно языкового анализа, искусственность положений, не вытекающих из языкового материала.

Очень осторожно оценивая методику анализа у дескриптивистов и возможность дальнейшего прогресса языкознания путем применения этой методики, М. И. Стеблин-Каменский замечает, однако, что уже на данном этапе эта методика вскрывает несостоятельность, ограниченность старых методов синхронного исследования языка. Что же касается общеизвестного тезиса об отказе от учета значения, М. И. Стеблин-Каменский указывает на иллюзорность этого отказа. В скрытом виде значение в анализе присутствует.

Эта статья, в общем скорее положительно оценивающая структурализм, была впервые опубликована в 1957 г. Через 20 лет, однако, М. И. Стеблин-Каменский весьма резко выступил против теории изоморфизма в статье „Изоморфизм и „фонологическая метафора“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 74–80].

Согласно теории Л. Ельмслева, существует структурное тождество между планом выражения и планом содержания. Л. Ельмслев эту теорию не доказывает, а постулирует, и поэтому, как справедливо отмечает М. И. Стеблин-Каменский, ее можно только или опровергнуть, или принять. В работах по структурной грамматике стали применяться термины, обозначающие те или иные отношения в фонологии, — „оппозиция“, „маркированный“, „нейтрализация“ и т. п. Такое употребление терминов в других областях лингвистики получило широкое распространение. Представляется полезным остановиться здесь на причинах этого явления. Немаловажную роль сыграла в этом теория языковых уровней.

Теория языковых уровней по существу ничего нового не внесла в языковедение. Лингвисты с давних пор различали звуковую строй (фонологический уровень), морфологию (морфологический уровень), синтаксис (синтаксический уровень). Естественно, с распространением структурализма, постулирующего, как сказано выше, системность языка, уровни стали рассматриваться в системном плане. Тем самым в каждом уровне было необходимо выделить основную единицу (напр., фонему в фонологическом уровне). Отсюда возникла и теория изоморфности единиц и отношений в уровнях, т. е., если отношения между определенными фонемами являются оппозитивными, то, при признании изоморфности единиц и отношений, единицы морфологического уровня оказались связанными теми же отношениями (напр., для существительного — единственное / множественное число). Однако крупная ошибка заключалась в том, что отношения незнакового уровня (фонологического) были приравнены к отношениям знакового (морфологического) уровня. Между тем, как указывает Ю. С. Маслов [1975, с. 29], „языковыми знаками можно считать, конечно, только значащие, двусторонние единицы, и прежде всего слово (глоссему) и морфему“. И там же: „Ниже морфемы мы имеем дело с единицами односторонними (разрядка автора)“ Однако теорией изоморфности знаковым единицам приписывались отношения, тождественные отношениям единиц незнаковых. В отдельных случаях эти отношения сходны. Однако „сходство и тождество — это разные вещи“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 76]. Следует добавить, что и это поверхностное сходство исчезает, если в данной грамматической категории не две единицы, а три (напр., три времени глагола). Но сходства нет даже в приведенном выше примере категории числа существительного: так, нет формы множественного числа у существительных „терпение“, „белизна“, „усталость“ и т. п. — где же „оппозиция“? И непонятно, какова оппозиция при употреблении в родовом значении: „Собака — друг человека“. Разумеется, при большом желании можно усмотреть в этих случаях „нейтрали-

зацию“, но выявить строгие условия этой „нейтрализации“ было бы весьма затруднительно.

О неизоморфности убедительно пишет С. Д. Кацнельсон [1972, с. 14–15]: „Социально-историческая обусловленность связи между значением и его содержательной функцией, отсутствие естественных внутренних связей между членами знакового отношения становится источником неизоморфности планов выражения и содержания. К этому присоединяются дополнительные причины – отставание звуковой стороны в процессе развития от содержательной и некоторые другие“. Раз нет тождества отношений, а есть только сходство, можно говорить только о сравнении; именно на этом основании М. И. Стеблин-Каменский называет перенос фонологических терминов на знаковые уровни „фонологической метафорой“. С обычной, присущей ему ироничностью он пишет: „Употребление „фонологической метафоры“, или вернее, злоупотребление ею, с целью доказать свою осведомленность в современном языкознании и тем самым свою научную квалификацию – соблазн, против которого трудно устоять, особенно в диссертации на соискание ученой степени“ [Стеблин-Каменский. 1974, с. 80].

Вопросу терминологии посвящена статья М. И. Стеблин-Каменского „Называние и познание в теории грамматики“, касающаяся грамматической проблематики [Стеблин-Каменский, 1974, с. 131–140]. В ней М. И. Стеблин-Каменский подвергает резкой критике волну структуралистской терминологии, обрушившуюся на лингвистику и заполонившую, в частности, и отечественное языкознание. Справедливо указывая, что вопрос „как назвать нечто, уже давно известное“ подменяет реальное исследование внешней, кажущейся новизной, М. И. Стеблин-Каменский очень остро критикует требование Л. Ельмслева непротиворечивости и простоты описания, которое к тому же должно быть исчерпывающим. За этим тезисом скрывается, в сущности, требование формальности описания, а формальность и лежит в основе структуралистской методологии. М. И. Стеблин-Каменский считает, что это ведет к упрощению языковых фактов, их схематизации, и приводит в качестве примера сборник под редакцией А. Мартине [Martinet, 1957], где ставится вопрос о том, какие явления грамматики можно считать „нейтрализацией“. Разнообразие мнений, приведенное в этом сборнике, хорошо показывает, что суть вопроса не в самих языковых фактах, а всего лишь в том, можно их назвать „нейтрализацией“ или нельзя. В конце статьи М. И. Стеблин-Каменский возвращается к своей ранней статье о предикативности, критически утверждая, что он якобы не сказал в ней ничего нового.

Вопрос называния впервые был поставлен именно в этой ранней статье. Лингвисты нередко называют разные явления одним и тем же словом

(речь идет о предикативности в логике и языкознании), тогда как в своей практической деятельности человек, называя разные, но связанные между собой предметы, оказался бы в затруднительном положении (назвав воду мылом, он вынужден был бы утолять жажду мылом) [Стеблин-Каменский, 1974, с. 38–39]. С другой стороны, в упомянутой выше статье „Несколько замечаний о структурализме“ М. И. Стеблин-Каменский очень мягко отмечает терминологические излишества – „тенденцию, которая является естественной болезнью всякой науки в период методологических исканий“ [Стеблин-Каменский, 1974, с. 49]. Следовательно, при условии исканий, – попыток глубже проникнуть в суть языковых (именно языковых) явлений в ходе исследовательского процесса, – новая терминология не вызвала протеста у М. И. Стеблин-Каменского. Протест начался с „фонологической метафоры“ и углублялся по мере его разочарования в структурализме, который не оказался панацеей от бед языкознания, как считали приверженцы этого направления.

Автору настоящей статьи представляется, однако, что структурализм не прошел бесследно и без пользы для языкознания. Формальное описание требует строгости анализа; другое дело – то, что эта строгость нередко оборачивалась прокрустовым ложем, на котором фактам языка, чтобы они поместились на нем, отрубали голову или ноги... Но вполне понятно, что „терминологические излишества“ вызывали отрицательную реакцию у М. И. Стеблин-Каменского, который всегда стремился вскрыть сущность явлений языка, излагая свои мысли в доступной, но не упрощенной форме, и избегал внешнего эффекта новизны, достигаемого употреблением модных терминов.

THEORY OF GRAMMAR IN M. I. STEBLIN-KAMENSKIJ'S WORKS

I. P. IVANOVA

Summary

The article is a review of the works by M. I. Steblin-Kamenskij published in the period of 1957–1974, dealing with the most important categories and methods of grammatical analysis and linguistic terminology.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зернов, Попова, 1980 – Зернов Б. Е., Попова О. Д. К вопросу о „центре“ и „периферии“ в системе частей речи (на материале английского языка). – В кн.: Взаимодействие языковых структур в системе. Л., 1980, с. 45–58.

Кацнельсон, 1972 – Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.

Маслов, 1975 – Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М., 1975.

Стеблин-Каменский, 1953 – Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. – М.–Л., 1953.

Стеблин-Каменский, 1954 – Стеблин-Каменский М. И. Об основных признаках грамматического значения. – Вестн. Ленингр. ун.-та, сер. обществ. наук, 1954, № 6.

Стеблин-Каменский, 1955 – Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавский язык. – М., 1955.

Стеблин-Каменский, 1957 – Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. – М.–Л., 1957.

Стеблин-Каменский, 1957 – Стеблин-Каменский М. И. Несколько замечаний о структурализме. – ВЯ, 1957, № 1, с. 35–40.

Стеблин-Каменский, 1974 – Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. – Л., 1974.

Щерба, 1957. – Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Martinet, 1957 – Martinet A. La notion de neutralization dans la morphologie et le lexique. – Paris, 1957.

Leningrado A. Ždanovo universitetas

Īteikta

1982 m. rugšėjo mėn